

— Ты сядешь за стол с Пинси, — он поднял руку, указав на свободное место рядом с Дунъян Янем.

— Здесь моё место, зачем мне сидеть с ним? — Шэн Ланьчу холодно фыркнула, поправив на себе тонкую накидку.

— Какое твоё место? Это место оставлено для господина Линь! Раз уж у вас есть помолвка, рано или поздно вы станете супругами. Разве молодые супруги должны сидеть порознь?

Последние две фразы старый патриарх Шэн произнёс с намеренным повышением тона, вызвав вздохи и перешёптывания среди гостей, которые вытянули шеи, чтобы посмотреть на происходящее.

Щёки Шэн Ланьчу внезапно покраснели, и в ней вспыхнуло раздражение.

— Господин Линь ещё не пришёл, когда он придёт, можно будет поставить ещё один стол!

— Кто сказал, что я не пришёл? — Раздался смешливый ответ из-под лодки. Все опустили взгляды и увидели, как небольшая лодка медленно выплыла из-за двух больших и направилась к главной.

Вскоре человек, которого называли господином Линь, поднялся на главную лодку, обогнул ширму и, поклонившись патриарху Шэн, с улыбкой спросил Шэн Ланьчу:

— Я ведь не обидел младшего патриарха, зачем же сердиться на мой стол?

— Прошу прощения за мою грубость, — Шэн Ланьчу извинилась, неохотно повернувшись и сев рядом с Дунъян Янем.

Тот немного напрягся и начал вставать, но Шэн Ланьчу резко надавила на него, прошипев сквозь зубы:

— Сиди смирно!

Патриарх Шэн не заметил их мелкого движения, повернулся и приказал слугам принести что-то. Вскоре несколько человек вынесли стол, а танцовщицы, которые ранее выступали на сцене, расставили на нём бумагу и чернила.

— Каллиграфия господина Линь считается лучшей в городе Фэнмянь. Сегодня, кстати, подходящий момент, не напишете ли что-нибудь ради моего уважения? Прекрасный вечер, красавицы рядом, давайте насладимся изысканностью!

— Раз патриарх Шэн просит, как я могу отказать? — Господин Линь улыбнулся, бросив взгляд на Шэн Ланьчу, достал из рукава нефритовую кисть, одной рукой смочил её в чернилах, другой разгладил бумагу и начал писать, словно танцуя дракона.

Учёные и художники имеют свои любимые кисти, как у практикующих совершенствование — свои мечи.

Сы Хуай лишь заметил, что кисть была изысканно сделана: её нежный нефритовый цвет в лунном свете казался окутанным сиянием. Он невольно засмотрелся, но, очнувшись, хотел налить себе вина, но заметил, что чего-то не хватает.

Взглянув вокруг, он увидел, что монах, сидевший в углу на соседней лодке, исчез.

— Что случилось? — Шэн Цзиньчэн наклонился и тихо спросил.

Сы Хуай покачал головой, хотел найти предлог уйти, но решил, что покинуть главную лодку без причины неудобно. Он рассеянно огляделся и заметил, что рядом с местом, где сидел У Нянь, находились те самые странствующие практикующие, с которыми он недавно столкнулся.

На главной лодке писали стихи, но с других лодок это не было видно. Тем не менее, многие люди прислонились к перилам, вытянув шеи, чтобы посмотреть. Среди них был и тот странный практикующий с неприятным голосом.

Сы Хуай незаметно опустил руку под стол, сжал большой и указательный пальцы и выпустил силу, ударившую по кривой спине того человека. В это время на озере поднялась волна, и лодка накренилась, сбросив его в воду.

— Человек упал в воду! Человек упал в воду!

Гости запаниковали, все на двенадцати лодках обратили внимание, одни спасали, другие наблюдали. Никто больше не обращал внимания на происходящее на главной лодке.

У Нянь на самом деле не ушёл далеко, он просто спустился с лодки и сел в небольшую лодку. Никого рядом не было, только он один, перебирая чётки, медитировал, позволяя лодке плыть по ветру.

Восемьсот ли водного пространства были слишком обширны, и если бы не десять больших лодок, это действительно напоминало бы одинокий корабль в бескрайнем море.

Сы Хуай прыгнул на перила, оттолкнулся и спрыгнул в лодку.

Лодка, лёгкая на воде, покачалась несколько раз, прежде чем успокоиться.

Монах, погружённый в медитацию, медленно открыл глаза, увидев гостя, и, казалось, не был удивлён, спокойно улыбнулся и спросил:

— Почему спустился, господин Ци Чжоу?

— Ци Чжоу... господин?! — Сы Хуай поднял брови, приблизился и увидел лёгкий румянец на его лице, слабый аромат вина, скрытый под запахом сандала, едва уловимый.

— Ты пил вино?

— Выпил немного, — У Нянь серьёзно поднял один палец перед собой, его взгляд был ясным, казалось, он был ещё в сознании.

Сы Хуай потер виски, чувствуя, что ему одновременно смешно и грустно.

Не мог поверить, что тот самый монах, который строго соблюдал правила, пройдя через перерождение, теперь пристрастился к вину и мясу.

— Не удивляйтесь, господин, — У Нянь, казалось, понял его мысли, подвинулся, освободив место, и тихо вздохнул, продолжая:

— В наше время тех, кто действительно оставил мирские заботы и искренне посвятил себя практике, осталось мало. Большинство — это несчастные, которые ищут убежища. Жизнь важнее всего, годами практиковаться, чтобы в конце концов превратиться в кучу костей, зачем

же мучить себя? Быть монахом, который пьёт вино и ест мясо, тоже весело. Хотя я и пью вино и ем мясо, в моём сердце всё ещё есть Будда и правила.

Сы Хуай взглянул на место рядом с ним, где мог бы уместиться только маленький Чэнь И, и отказался от мысли сесть рядом, вместо этого сел напротив, скрестив ноги, и поднял взгляд на бледную луну, слушая его тихий монолог.

Не знал, то ли он пьян и болтает, то ли трезв и делится своими переживаниями, но слушая его, Сы Хуай почувствовал необычайное спокойствие.

Может быть, потому что рядом был он, даже если переродился и больше не помнит, но просто находясь рядом, он чувствовал, что ничто в мире не сравнится с этим.

Шум позади постепенно стих, музыка снова заиграла, Сы Хуай подпер голову рукой, сидя в лодке, и спросил:

— О чём ты думал?

— О Сливовом саду. Помнишь? Барышня Мэй и её возлюбленный встречались во сне? — В глазах У Няня отражался холодный свет луны, ясный и немного отстранённый.

— Помню, почему ты вдруг вспомнил о Сливовом саду?

— Сегодня хозяин лавки сказал, что те, кто умер с улыбкой, похоже, видели хороший сон. Если это действительно связано со снами, может ли быть связь между этими двумя случаями?

— Умереть во сне — это абсурд, и пока неясно. Кроме того, барышня Мэй не умерла во сне, вряд ли есть связь.

— Нет, — У Нянь резко прервал его, достал из кармана небольшой кусочек нефрита, который образовался после разрыва свитка в ту ночь.

Зелёный нефрит светился мягким светом, лежа на его белой ладони.

— Этот камень два месяца не подавал признаков жизни, неужели сегодня он засветился, чтобы осветить мне путь? Должно быть, между этими двумя событиями есть связь.

— Только сегодня засветился... — Сы Хуай повторил его слова, почувствовав, что этот мягкий свет кажется знакомым.

Сзади раздались аплодисменты гостей, заглушив музыку. Сы Хуай обернулся и через щель между лодками увидел, как два ученика поднимают произведение господина Линь.

Сы Хуай нахмурился, встретившись взглядом с У Нянем, и тихо сказал:

— Та кисть!

— Нельзя! Несколько дней назад уже погибли люди, если снова что-то предпринять, нас обнаружат!

Ближе к полуночи, после окончания банкета, Равнина Саньму постепенно затихла, в тёмных уголках между деревьями и стенами вдруг раздался почти шёпот:

— Это ты плохо справился, потому тебя и обнаружили, кого винить? Он не может ждать, ты

должен сегодня же найти для него годы жизни!

Другой голос был тихим, словно специально изменённым, напоминая хриплый крик ворона на закате.

Авторское примечание: Плачу, извините, дорогие читатели-ангелочки, только сегодня вернулся из поездки к родственникам, проспал весь день и не мог встать, не успел к вечернему обновлению, сидел до утра, чтобы выпустить большую главу... Увидев в комментариях призывы отдохнуть пораньше, я очень тронут. В ближайшие дни постараюсь написать больше и обновлять каждый день, люблю вас, чмок~~

PS: Поздно ночью, голова не варит, если найдете ошибки, дайте знать~~

<http://bllate.org/book/16805/1545848>